

Саймон сидел в карете, покачиваясь в такт мерному стуку колес, а мысли его то и дело возвращались к событиям последнего часа.

Он пытался разговорить Лэнса Кавендиша, надеясь выведать подробности сюжета, но юноша наотрез отказался раскрывать карты, не желая «портить аппетит» будущему читателю. От этой недосказанности мужчину буквально снедало нетерпение.

Впрочем, чтобы окончательно развеять сомнения в авторстве «Мести Джека», Лэнс прямо на глазах у рецензента набросал еще несколько тысяч слов продолжения. Теперь от подозрений Саймона не осталось и следа.

Пришло время обсудить гонорар.

Собеседник ожидал, что Лэнс окажется существом возвышенным, не от мира сего, с тем самым чудаковатым и сложным характером, что часто присущ талантам. Однако юноша проявил неожиданную хватку и деловитость.

За дебютный роман новичка редко дают много; обычно «Глория» предлагала сумму в районе ста пятидесяти фунтов. Но разве Лэнс Кавендиш был обычным новичком?

Саймон решился на исключение и предложил внушительные двести золотых фунтов: пятьдесят в качестве аванса, а остальные сто пятьдесят — единовременным платежом после завершения работы. В издательских кругах это считалось наиболее распространенной формой сделки — полная переуступка прав. Даже если «Месь Джека» с треском провалится, издательство само покроет убытки, не требуя с автора ни единого пенни.

Рецензент был уверен в своей щедрости. Это была лучшая цена, которую юноша мог получить в нынешних реалиях.

К его удивлению, Лэнс покачал головой.

— Сейчас я не испытываю нужды в деньгах, так что аванс мне ни к чему. К тому же я написал лишь начало. Если финал окажется не столь хорош, вы понесете убытки, не так ли? — Он сложил руки на столе, сохраняя абсолютное спокойствие. — Полагаю, будет справедливее дождаться окончания работы и издать книгу на условиях выплаты роялти.

Затем он озвучил схему, которая лишь недавно начала входить в моду: автор получает процент от тиража, помноженный на номинальную стоимость книги. Обычно на такие условия могли рассчитывать лишь маститые литераторы, а мэтры первой величины и вовсе требовали делить чистую прибыль пополам.

— Учитывая, что я — безвестный дебютант, семь процентов роялти при первом тираже в пять тысяч экземпляров кажутся мне разумной цифрой. Однако если потребуются допечатка, нам придется пересмотреть ставку в сторону увеличения.

Лэнс слегка улыбнулся, продолжая расчеты:

— Благодаря монополии мистера Константина цены на рынке стабильны. Традиционный трехтомник стоит полторы гиней. Таким образом: полторы гиней, умноженные на семь процентов и на пять тысяч копий, дают нам пятьсот двадцать пять гиней. В пересчете на золотые фунты — а гиней у нас идет к фунту как один и пять сотых — вы должны будете выплатить мне пятьсот пятьдесят один фунт и пять шиллингов.

Юноша склонил голову набок, и его улыбка казалась воплощением невинности:

— При этом все риски я беру на себя. Если книга не будет продана, я полностью возьму убытки издательства. Согласитесь, для «Глории» это крайне выгодная сделка.

Саймон молчал. Ситуация выглядела абсурдной.

Новичок ориентировался в издательских тонкостях лучше профессионала, фактически выполнив за рецензента всю его работу. Лэнс предлагал застраховать дом от провала, что, несомненно, минимизировало их риски.

Но... неужели «Мечь Джека» не разойдется тиражом в пять тысяч?

Профессиональное чутье мужчины — и как писателя, и как редактора — в один голос твердило: эта книга станет бестселлером. Пять тысяч? Мелочь. По самым скромным оценкам, роман мог разойтись десятитысячным тиражом, и тогда условия Кавендиша становились для «Глории» крайне невыгодными. Чем больше будет прибыль, тем меньше достанется издательству.

Конечно, всё это работало лишь при условии, что автор удержит планку до самого конца. На качество текста влияет множество факторов: душевное состояние творца, внешние обстоятельства, переменчивые вкусы публики и даже цензура. Немало авторов начинали блестяще, но под конец выдыхались, выдавая скомканный и невразумительный финал. В таком случае предложенные изначально двести фунтов просто улетели бы в трубу.

Помедлив, Саймон кивнул. Он принял предложенную схему.

В конце концов, откажись он — и толпа конкурентов за порогом с радостью ухватилась бы за это предложение.

— В таком случае, когда мы можем ожидать рукопись? — спросил он. — Август следующего

года вас устроит?

Шел сентябрь. Рецензент полагал, что одиннадцать месяцев вполне достаточно для спокойной работы.

— Столь долгий срок ни к чему, — Лэнс ответил с неожиданной уверенностью. — Эта история давно живет в моей голове, мне остается лишь перенести её на бумагу. Приходите за рукописью первого декабря. Мы как раз успеем выпустить тираж к зимним каникулам.

Зимний отдых начинался двадцать пятого декабря и длился до самого февраля. В эти дни, когда природа замирала под гнетом холодов, и джентльмены, и простые работяги предпочитали проводить время у камина.

Рецензент был потрясен.

Писатели — народ медлительный, склонный к вечным отлагательствам. В издательских кругах ходила легенда об одном авторе, который в письме редактору клялся, что не может сдать рукопись в срок, так как... внезапно забеременел и готовится к родам. Уловку раскрыли быстро: автором был мужчина. Эта история стала притчей во языцех, наглядно демонстрируя, на какие низости способны литераторы ради отсрочки.

Саймон впервые видел автора, который не просто не просил лишнего времени, но и добровольно сокращал сроки!

Он покачал головой, глядя на Кавендиша со смешанным чувством восхищения и тревоги. Слишком молод. Слишком полон юношеского пыла.

— Хорошо, — произнес он тоном наставника. — Но помните: если почувствуете, что не успеваете, просто напишите мне. Я всегда пойду навстречу.

Саймон полагал, что это лишь временный азарт первой книги. Лучший способ убить увлечение — превратить его в обязательную работу. Он знал это по себе.

Когда формальности были улажены, мужчина наконец позволил себе расслабиться. Суровость и официоз исчезли, уступив место мягкой улыбке.

— Вы совсем не такой, каким я вас представлял.

И это открытие приносило ему искреннюю радость.

Многие одаренные писатели в глубине души лелеют некое старомодное высокомерие: одни презирают деньги, считая их обузой для духа, другие просто стыдятся торговаться. Саймон

видел десятки талантов, которые из-за своей неопытности и косноязычия позволяли издателям оббирать себя до нитки.

Один бедолага продал права на книгу за несчастные сто пятьдесят фунтов, в то время как издательство заработало на ней десятки тысяч. И даже теперь, готовя роскошное подарочное издание, книготорговцы не намерены выделять автору ни цента.

Саймон, как сотрудник «Глории», должен был бы стоять на страже интересов своего босса, сбивая цену до минимума. Но его собственное писательское прошлое не позволяло ему относиться к творцам как к ресурсу.

Видя, что Лэнс, несмотря на свой хрупкий вид, обладает острым умом и твердым характером, он почувствовал облегчение. Здоровье юноши оставляло желать лучшего, но его ясный разум и воля станут надежным щитом против злобы этого мира.

Сравнение с вороном было как нельзя более точным. Вороны не только умны, но и невероятно живучи.

— Вам стоит больше есть, — Саймон с беспокойством скользнул взглядом по острому подбородку мальчика, его выступающим ключицам и тонким запястьям с отчетливо видимыми косточками. — Вы выглядите пугающе худым. Крепкое тело — залог долгой творческой жизни.

Он уже знал, что Лэнсу четырнадцать, но тот выглядел как недокормленный двенадцатилетний ребенок.

— В последнее время я действительно чувствовал себя неважно, — мальчик подпер подбородок рукой, с нескрываемым восхищением глядя на собеседника. — Но сейчас я ем за двоих и надеюсь скоро поправиться. Моя цель — стать таким же рослым и статным, как вы, господин Саймон.

— Для этого нужны прогулки на свежем воздухе, — серьезно посоветовал тот. — Нельзя постоянно засиживаться в четырех стенах. Пока ваше тело не окрепнет, забудьте о тяжелых нагрузках, но пешие прогулки — это то, что нужно. Многие великие авторы находили вдохновение именно в движении. Кто знает, может, случайный прохожий завтра станет героем вашей книги?

— Прогулки... — Мальчик-ворон задумчиво улыбнулся. — Спасибо за совет. Я обязательно об этом подумаю.

Вспоминая выражения лиц коллег-рецензентов, когда они с Лэнсом вышли к ним и объявили о подписании контракта, Саймон ощущал небывалый подъем. Их разочарование было для него лучшей наградой.

Он вынырнул из своих мыслей. О кредиторах мужчина Лэнсу говорить не стал. Юноше нужно сосредоточиться на творчестве, а не забивать голову мусором. Эту проблему Саймон решит сам.

Карета тем временем покинула общину Гордон. Дорога стала неровной, экипаж нещадно трясло. В богатых кварталах плотно регулярно ремонтировали, и там экипажи скользили плавно, к радости кучеров и пассажиров. Но таких дорог было прискорбно мало. Большинство улиц были испещрены выбоинами, что то и дело приводило к авариям. Поговаривали, что в Парламенте обсуждают идею мощения дорог деревом, но Саймон сомневался, что это решит проблему.

Экипаж замедлил ход и остановился. Впереди маячила застава.

Рецензент недоволено сжал челюсти. Почему господа министры думают о бревнах для мостовых, но не о том, как упразднить эти позорные поборы? В Городе Санн были сотни таких застав. За каждый проезд житель города должен был выложить от половины пенни до двух с половиной шиллингов. К концу дня набегала приличная сумма. Путь от «Глории» до Гордона и обратно обошелся ему в шестнадцать пенни — для бедняка это были огромные деньги.

К кучеру подошла женщина.

— Сэр, я так спешила, что забыла кошелек. Не могли бы вы обменять этот платок на один пенни? Мне нечем заплатить за проезд.

Он выглянул в окно. Женщина средних лет, рыжеволосая, с усталым лицом и в помятом платье. Видно было, что жизнь её не балует.

— Господин Саймон? — кучер вопросительно обернулся.

— Дай ей пять пенни, впереди еще будут заставы, — распорядился мужчина.

Женщина просияла:

— О, спасибо вам, сэр! Да вознаградит вас удача!

Тот вежливо кивнул, взял протянутый платок, пахнувший дешевыми духами, и небрежно сунул его в карман. Кучер получил квитанцию, и карета миновала заставу. Рецензент тут же забыл об этом случае, погрузившись в размышления о том, как приструнить Майрона.

Возможно, потребуеться вмешательство графини Кэмпбелл. Иначе этот негодяй превратит Лэнса в свою личную дойную корову, раз в три дня подсылая громил за процентами. Стоило ли просить графиню тратить свое влияние ради мальчишки с туманным будущим?

Саймон чувствовал, что сходит с ума. Потому что ответ был — «да, определенно стоило».

Его вело чутье. В его личной иерархии писатели делились на посредственностей, талантов и гениев. Но над ними возвышались «чудовища». Те, кто плевать хотел на правила и логику. Те, для кого создание шедевров было так же естественно, как дыхание.

Интуиция подсказывала: Лэнс Кавендиш — именно такое чудовище.

Внезапно впереди послышался шум и крики. Карета резко затормозила. Мужчину швырнуло вперед, он едва успел упереться руками в спинку переднего сиденья, чудом не разбив голову.

— Что там такое? — крикнул он.

— Авария, сэр! — голос кучера дрожал. — Лошадь соседа понесла и влетела прямо в повозку перед нами!

Саймон выглянул наружу. Всего в метре от них царил хаос. Грузовой фургон опрокинулся, одна из лошадей лежала с переломанной шеей, товары рассыпались по мостовой. Извозчик другой кареты лежал без чувств, а внутри экипажа кто-то отчаянно стонал.

Он выскочил из кареты и вместе с другими прохожими бросился на помощь. Вытаскивая раненых и ожидая врача, он вдруг вспомнил недавнюю встречу.

«Да вознаградит вас удача», — сказала рыжеволосая женщина.

Если бы он не задержался, чтобы помочь ей с монетой, сейчас на месте раздавленного экипажа была бы его карета. Рецензент невольно поежился.

Кажется, удача действительно была на его стороне.

Проводив Саймона, Лэнс с удовольствием потянулся.

Честно говоря, он был благодарен Картеру за те пятьдесят с лишним золотых фунтов. Эти деньги дали ему возможность отказаться от кабального выкупа прав и диктовать издательству свои условия. Чтобы убедить рецензента, Лэнс мастерски разыграл карту «минимизации рисков для издательства в случае провала».

Он не ожидал, что тот согласится так быстро, но это лишь сэкономило ему время.

Количество денег юношу не слишком заботило; его бесило само ощущение того, что его, как созревшую рожь, собираются пожать капиталисты. В своем успехе автор не сомневался. Книга не была плодом случайного порыва — перед тем как взяться за перо, он провел тщательный анализ рынка.

Мир менялся. Старый порядок рушился, и на авансцену выходил рабочий класс. Книги, прежде бывшие роскошью для избранных, стремительно дешевели.

Еще в начале века, когда господствовали дорогие переплеты из телячьей кожи, тиражи обычных авторов не превышали нескольких сотен экземпляров. Те книги оседали в частных библиотеках аристократов, служа лишь декорацией для их невежества. Простой люд доступа к литературе не имел.

Но пришла промышленная революция. У рабочих появились деньги, а у среднего класса — жажда знаний. Им нужны были доступные книги. Технологии не заставили себя ждать: на смену деревянным прессам пришли железные машины, а тряпичную бумагу заменила дешевая целлюлоза. В эпоху стереотипных пластин и массовой печати тираж в несколько тысяч стал нормой, а хиты разлетались десятками тысяч копий.

Диккенс в свое время добился триумфа именно потому, что точно выбрал целевую аудиторию — низший и средний классы, предложив им истории, которые были им близки. Позже исследователи подсчитают, что аудитория викторианского романа составляла около шестидесяти тысяч семей — тех, кто мог позволить себе членство в библиотеке или покупку дешевых выпусков с продолжением.

Лэнс не знал точной статистики Империи Лайт, но его наблюдения подтверждали: именно низы и средний класс формируют основной спрос. Именно поэтому он сделал протагонистом Джека — маленького работягу. Это был прямой путь к сердцам миллионов.

Дело сделано. Пришло время заняться кое-чем другим.

— Джек.

Лэнс с лукавой улыбкой посмотрел на дьявола, который с упоением грыз конфету. Тот замер, раздув щеки, и принялся преувеличенно внимательно рассматривать потолок, стараясь не встречаться с юношей взглядом.

— Помнится, я просил тебя отправить рукопись только в «Гори», — ласково начал Лэнс. — Откуда же взялась эта армия издателей у моих дверей?

Повелитель Смерти потер нос. Признаваться в том, что он забыл название и разослал письма во все конторы на букву «Г», было как-то не по-дьявольски глупо.

— Я испугался, что тебе откажут! — выпалил он, стараясь придать голосу уверенности. — Поэтому решил подстраховаться! Можешь не благодарить!

— Вот как? Любопытно. И как же тебе удалось доставить столько копий, если рукопись была в единственном экземпляре?

Джек моргнул. Ему показалось, или Лэнс сместил акцент не в ту сторону? Он ожидал упреков за самодеятельность.

— Заклинание копирования, — буркнул он. — Делов-то.

Джеку не померещилось: глаза Лэнса вспыхнули недобрым огнем. Точно так же выглядели огромные ящеры, наткнувшиеся на золотую жилу. Дьявол невольно отступил на шаг.

— Ч-что не так?

— Сколько предметов ты можешь скопировать за день? — быстро спросил Лэнс.

— Не считал... — опешил Джек. — Наверное, сотни три? А зачем тебе?

В голове юноши родилась дерзкая, почти безумная идея.

«Зачем вообще возиться с издательствами? — он представил бесконечные ряды томов. — Проще превратить Джека в живой печатный станок!»

Дьявольская типография: затраты нулевые, прибыль колоссальная!

Жаль, контракт с Саймоном уже подписан, но даже с учетом неустойки дело обещает быть прибыльным. Главное — чтобы эти магические подделки не распознали в Бюро по расследованию ереси. Хотя... вряд ли в этом мире существует статья за «незаконный оборот литературы в особо крупных размерах». Труднее будет объяснить происхождение тиража. Потребуется некая схема...

«Книжная прачечная?»

Лэнс уже начал прикидывать пути сбыта, когда Джек добавил:

— Вообще-то, копии существуют, пока я поддерживаю их магией. Стоит мне перестать — и они исчезнут.

Лэнс замер. Мечта о типографии лопнула как мыльный пузырь. Что ж, разрывать контракт с

«Глорией» пока не стоит. Но тут его осенило новой, еще более изящной идеей.

— Скажи, а если копировать книги... сколько экземпляров ты сможешь удерживать одновременно?

— Откуда мне знать? — фыркнул Джек. — Я такой ерундой не занимаюсь, выгоды никакой.

Мальчик-ворон вздохнул и посмотрел на него с таким сочувствием, что дьявол едва не задохнулся от возмущения.

— В этом мире демоны, оказывается, куда наивнее капиталистов.

— Что?!

Лэнс выудил с полки случайную книгу и сунул её в руки Повелителю Смерти.

— Скопируй её столько раз, сколько сможешь. И проверь, как долго продержатся копии.

Тот прищурился:

— С чего это я должен тебя слушать?!

Смертный наглец! Позволяет себе командовать высшей сущностью!

Лэнс спокойно похлопал его по плечу, точно успокаивал капризного ребенка.

— Тише, мой хороший. Если я прав, мы скоро сказочно разбогатеем. Ты сможешь скупить все сладости мира, если пожелаешь.

— Чего? — Джек совершенно запутался в логике этого мальчишки. Сладости — это так, баловство. Его настоящая пища — души!

Автор вовремя подправил «наживку»:

— О, и тебе больше не придется кланчить крохи у заказчиков. Станешь могущественным Хозяином, перед которым будут лежать лучшие души на выбор.

Глаза дьявола расширились.

— ...Ну ладно. Попробую.

Лэнс довольно усмехнулся. Магия Джека не бесконечна, и книги рано или поздно исчезнут. В человеческом обществе это вызвало бы скандал, но для мира оккультизма это в порядке вещей. Можно даже сделать это фишкой: «литература с ограниченным сроком действия» — отличный стимул читать быстрее, не откладывая книгу на полку.

Он не собирался ограничиваться миром людей. Это слишком скучно. Судьба забросила его в фэнтезийную вселенную, полную удивительных рас, и он намерен заявить о себе везде.

При мысли о том, что однажды его книги будут продаваться даже в аду, Лэнс почувствовал, как внутри закипает азарт. Он действительно не мог дождаться.

<http://bllate.org/book/15857/1435215>